

Москва-Кокшетау с 6

Русский чудо-бизнес

— Михаил Михайлович, каково командовать бывшими коллегами? Ведь в ваших фильмах постоянно снимаются и Селезнева, и Крачковская, и Булдаков.

— Не сказал бы, что наши отношения сильно изменились. Вот такой момент: у нас в комедийном цехе очень любят байки травить. И в артистической гримерке можно сидеть часами: история за историей — у всех есть что рассказать. Сам люблю послушать все эти хохмы актерские. Сидишь иной раз и забываешь, что время ограничено. Потом вдруг бац — что-то стрелнуло, как заор: "Приготовились!" И все, понеслось. Поначалу же со мной просто анекдотические ситуации происходили. Первая моя картина "Русский бизнес". Снимаем на Арбате, ноябрь, промозглая погода. Я сыграл свой эпизод, начинаю одеваться. Довольный, что наконец отлучился и можно ехать домой. Открываю дверь и вдруг слышу голос второго режиссера: "Михал Михайлыч, куда собрались-то? Вы же режиссер, надо до конца сидеть". Так после того случая свои эпизоды всегда в конец ставлю — чтобы не травмировать себе душу.

— А ваши старые знакомые не могут в ответ на ваше "Приготовились!" сказать: "Да ладно, Миш. Посидим еще немного".

— Нет, сейчас же капитализм в стране. Дисциплина — строжайшая. Опоздания, конечно, бывают. Актеры все-таки народ творческий. Но по секрету скажу, всегда вызываю их на съемки на час раньше, чем нужно. Знаю же: на час-то точно опоздают.

— Так вы капиталист?

— Нет, ну какой из меня капиталист.

— Как какой? Создаете продукт, который надо выгоднее продать.

— Не я создаю — студия.

— Но студия-то ваша?

— Что значит моя?

— Ладно, не скромничайте. Я же читал: вы — владелец кинокомпании "Три С".

— Не-е-т. Кинокомпаний я не держу, я — режиссер.

— Хотите сказать, что никогда не занимались бизнесом?

— Нет, что вы?! Каждый должен заниматься своим делом. Если я актер и режиссер, значит, должен играть и снимать. А в экономике я ни бум-бум. У меня другие методы. Я не буду, как другие, мол: "Действие происходит в Венеции. Мы выезжаем на гондолье, и в этот момент по набережной проходит знакомый Вася, бывший бандит, он вынимает пушку, начинает стрелять, гондолы переворачиваются..." Я не стану так снимать, потому что это невыгодно.

Я размышляю так: Москва, чем занимаюсь мои друзья? Один мой товарищ — владелец типографии. Значит, часть действия должна происходить в типографии. У другого — спортивный клуб, у третьего — казино. Все — основная часть натур готова. Кино — штука дорогая, надо использовать любые возможности. Меня вот в Америке научили наши соотечественники с Брайтоном. Мы там должны были снять эпизод, какая-то мелочь — 5 минут, но снимать-то надо 5 часов. А в Америке на все нужна бумага. И деньги. Заплатил, выдали справку — пожалуйста. Так вот они мне говорят: "Зайди в департамент, напиши заявление — просим, мол, разрешить съемки между, допустим, 5-й и 7-й авеню в течение часа. У тебя возьмут какие-то деньги, но не откажут. А когда через час к тебе подойдет полицейский и скажет: "Сэр, ваше время истекло", ты ответишь: "Вы что, час работы камер?" А час работы камеры не пройдет и за сутки. Полицейский подойдет к камере, посмотрит на счетчик, а там всего 15 минут. Вот так, кино — нелегкий бизнес.

— Зато семейный. Вы ведь с женой теперь, как говорится, в одной связке.

— Да, она стала мне помогать. Раньше занималась гостиничным бизнесом. Два года назад перешла ко мне: сначала ассистентом по актерам, так скажем, на подхвате, а сейчас Лена — директор картины. Организация производства, связь с продюсером, актерами — все на ней.

— То есть вы ее повесили?

— Да нет. Она сама, самозахватом. Мне только остается наблюдать, как расширяются ее функции.

— Так что, в вашем тандеме: она — начальник, вы — подчиненный?

— Ни в коем случае. Конечно, начальник я. И на работе, и дома.

— Тогда, уж извините, вам замечание. По всему полу в вашей комнате, смотрю, разбросаны книги, газеты, журналы. Как говорил один из гайдаевских героев: "Как же вы допустили?!"

— Не-е-т. Эти кучи — не просто кучи. Здесь все по порядку. Постепенно сверху поднимаю, изучаю и выкидываю. Вот сейчас мы будем снимать картину в Египте. Видите, сверху лежит проспект турфирмы, которая нам организует поездку. Подпишем договор — выброшу. У меня все должно быть на глазах. А если разложу по полочкам — ничего ведь не увижу. Поначалу Лена все за мной убирала, складывала. И нарывалась на дикий крик — забываю же моментом: что с чем и зачем. А так, видите, как удобно, — у всех бумажек уголки торчат... Был один артист, не стану называть фамилию, который, ночью приходя домой, знает, как раздевался? Ботинки снимал у двери. Дальше скидывал с себя пиджак, потом штаны, рубашку. Все на пол. И так до

2003-28 дек

Михаил Кокшенов:

Таких долдонов играю только я

ШТУЧКИ

ТОВАРЫ

На съемках фильма "Русское чудо".

ловаться железками, а раньше чего-то стыдился.

— Диета, зал... Что еще из здорового образа жизни?

— В 11 гулять пойду. В сад "Эрмитаж" на часик — дойти и вернуться. Там белки, птицы — хорошо.

— Один гуляете?

— Нет, с Леной. Она раньше-то не любила ходить, ей бы только на диване лежать. А сейчас я ее заставляю. У нас же ночной образ жизни.

— Знаю, ваша супруга значительно младше вас...

— Да... Но я моложе. Мужик-то, он поздно умнеет. Лена мудрее и терпимее меня. А я могу сорваться. Иногда это мешает.

— Говорят, постепенно жена становится похожа на мужа. В чем еще сроднились, кроме этих кучек?

— Я ее научил готовить.

— Не умела?

— Ничего не умела. Чай, яичницу поджаривала... все. А сейчас, когда мне уж пора завязывать с едой, научилась.

— А вы что, держите себя на строгой диете?

— Не то чтобы... Но что такое раздельное питание, знаю. И железно соблюдаю. Я еще ничего — в парках на ринге стою. В зал хожу уже 30 лет, качаюсь.

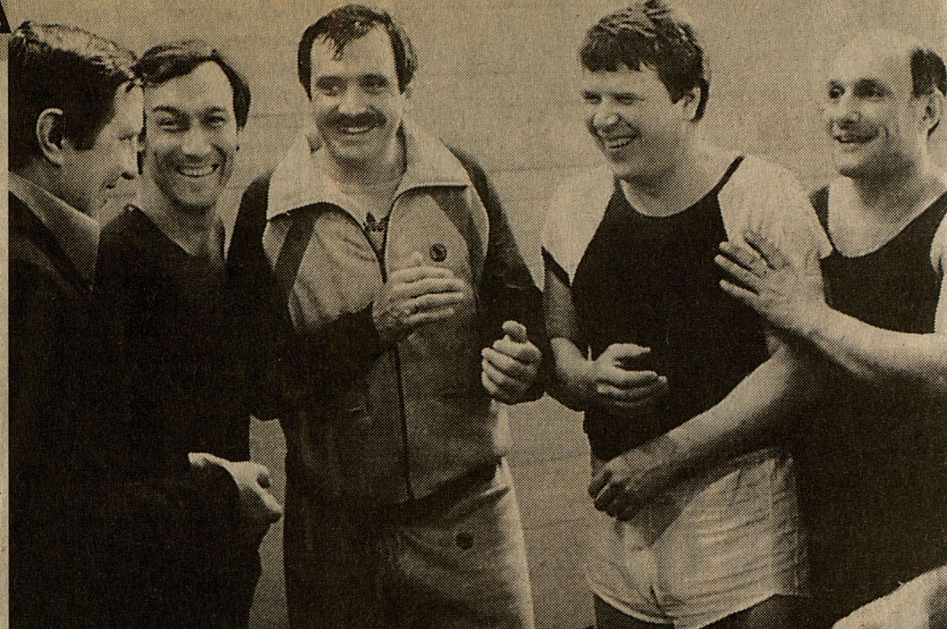
— Сколько килограммов можете поднять?

— Да сколько хочешь могу. Но я не поднимаю большие веса — ни к чему это. Лучший вес почаше брать — для укрепления мышц. Приятно, такая физическая радость. Не понимаю, почему раньше считалось неприличным качаться. Почему, когда американские артисты раздеваются — все красивые, здоровые, а наши — всегда в гимнастерке да сапогах. Сейчас уже, смотрю, новое поколение артистов начинает ба-

Великий Гайдай определил ему амплуа без присущих "важнейшему из искусств" изысков — "белообрый долдон". Как ни странно, именно образ эдакого здоровяка-недотепы, кочевавший из одной гайдаевской комедии в другую, и сделал из Кокшенова любимца публики. Народ у нас, как известно, простаков любит.

На самом же деле Михаил Кокшенов не такой уж простак. В отличие от многих народных и заслуженных, которых подкосили товарно-денежные отношения нового времени, он не впадает в уныние, не порицает поколение пехт за отсутствие культуры и не ностальгирует по минувшим временам.

Сейчас его время. Кокшенов не только активно снимается, он еще активно снимает. Да так, что скоро, кажется, обгонит главных "скаристрелщиков" нашего кино Анатолия Эйрамджана и Дмитрия Астрахана, штампующих каждый год по фильму. Про Кокшенова язык не повернется сказать: пропал. Наш пострел везде поспел: кроме того, что Михал Михайлыч актер и режиссер, он еще и сценарист, и писатель, и, как поговаривают, удачливый бизнесмен.

Артисты-футболисты: Олег Янковский, Никита Михалков, Михаил Кокшенов и Александр Пороховщиков с защитником сборной СССР Альбертом Шестерневым.

— Кто от этого больше страдает: жена или актеры?

— Всякое бывало, но с актерами стараюсь не сосориться. Потому в моих картинах и команда одна. Вообще-то люди из фильма в фильм переходят, пускай они не обижаются, не от хорошей жизни. Конечно же, надо кровь обновлять. Но комедийных актеров у нас очень мало. Товар-то штучный. Вот старая плеяда: я, Наталья Селезнева, Наталья Крачковская — все же воспитанники Гайда. А комедийный талант надо еще суметь открыть. До встречи с Леонидом Ювичем на "Не может быть" я ведь считался социальным героем.

— Что же, до Гайда никто не замечал вашего комедийного дара?

— Я и сам его не замечал. Все старался казаться эдаким суперменом. В зал ходил, качался. 100 килограммов весил — классический такой бригадир-строитель. В кино: то лес валил, то партизанил. И Гайдай увидел меня, вернее, даже не меня, а мой героический поворот головы в киоске, на открытке за 8 копеек. И заметил, что другим и в голову не приходило. Да он открыл практически всех комедийных актеров. И очень трепетно к нам относился. На съемочной площадке ни в чем не ограничивал. Так и говорил: "Не смотри, что в сценарии написано. Придумай что-нибудь — пожалуйста".

— На вашем счету есть крылатые фразы?

— Вот только одна: "апельсинчики-витаминчики" из фильма "Спортлото-82". Это я принес. Но тоже не мое — в детстве на Пятничном рынке подолушал, как торговцы кричали: "Рубль — штука, три рубля — кучка. В кучке — три штуки".

— Вы снялись в семи картинах Гайда. Без лжонной скромности скажите, за что он вас ценит?

— Ох, уж и не знаю. Мне кажется, типа. Его ведь очень трудно найти. Даже сейчас, хоть я далеко и не мальчик, все равно в свою нишу пока никого не пускаю. Таких долдонов играю только я.

— Первый фильм вы же сняли еще при жизни Гайда. Как он отнесся к тому, что вы стали режиссером?

— Показал ему свой первый фильм "Русский бизнес". А он, язвительный такой, посмотрел, похрюкивал, говорит: "Ну ничего, главное, чтобы вас за это не посадили". А в следующем фильме "Русское чудо" я ему даже предложил сыграть небольшую роль. К сожалению, он отказался. Но он и вообще очень редко снимался, только у себя в каких-то эпизодах. Зато показывал — замечательно. Такие трюки ставил — либо-дорого. Тогда ведь еще не было всех этих теперешних приспособлений — приходилось выкручиваться с помощью подручных средств. Например, должен я был в кадре выпить залпом бутылку воды. Для русского человека это что — пустяк. Но когда сцена снимается четыре дня... Представляете, сколько дублей нужно снять и сколько бутылок выпить? Ужас! Так Гайдай придумал такую штуку: специальный насос выкачивал из бутылки всю жидкость. Получалось так: уи-и-ить — и бутылка пуста. Смешно.

"Лена значительно младше меня... Но я моложе".

— Вы небось по четыре дня сцены не снимаете?

— Конечно. Сейчас все нужно делать быстро: деньги-деньги. Вот первую картину долго делали. Опыта ведь никакого — постоянно советовался с операторами, монтажерами, сценаристом Аркадием Ининым. А когда наконец сняли — получилась короткометражка. А почему? Оказалось: не сняли детали: люди едят, рты, колбаска там, рюмочки. Я сразу вспомнил Гайда. Он шел через детали: сначала в кадре показывается ключик, потом дверная ручка, потом появляется голова. Америкой для себя открывал! Сейчас любой студент ВГИКа это знает. А тогда... Все пришлось переснимать.

Три стадии "озвездения"

— В том фильме одну из ролей сыграл Савелий Крамаров. Как вам удалось вытиснуть его из Америки?

— Ничего особенного. Искали актера, долго не могли найти. А тут в Москву приезжает Крамаров. Ну как не воспользоваться такой ситуацией?

— В молодости с Крамаровым дружили?

— Конечно. Мы же играли в одном театре — миниатюр. А в свободное время Савелий очень любил со мной по улице пройтись. Его-то все унавали — уже известный артист, — а меня еще нет. И Крамаров первое время представлял меня как своего охранника — я же здоровый, каюк. Помню, все учил меня. В жизни артиста, говорит, есть три стадии. Первая — когда про тебя говорят: "Что-то рожа знакомая. По-моему, торгаш с Рижского рынка". Вторая — когда тебе вслед шепчут: "Смотри, артист пошел". И третья — когда фамилию запоминают. "Пройдешь, — говорит, — все три стадии, тогда и станешь настоящим артистом". А педагог мой, Владимир Этуш, сказал иначе: "Вот вы там закончили институт и думаете: теперь артисты. Нет, дорогие друзья. Артистами вы станете только тогда, когда пройдете по улице и про вас скажут: "Вон артист пошел". А диплом ваш ничего не значит".

— Если не ошибаюсь, съемки в "Русском бизнесе" стали для Крамарова едва ли не последними.

— Он еще у Даниила снялся в эпизоде, а потом Савелий должен был у меня в "Русском чуде" сыграть. Я поехал за ним в Америку — он тогда как раз переезжал из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско. Но что-то там не получилось, не срослось, и мы взяли Семена Фараду. Крамаров потом звонил, извинялся, что так вышло. Больше с ним так и не встретились — в 95-м Савелия не стало.

— Семен Фарада сейчас серьезно болен. Навещаете своего актера?

— Я приезжал к нему в больницу, даже предлагал в фильме сняться. "Нет, — говорит, — сейчас, пожалуй, не смогу". Ну что о нем сказать? Публика его любит. Он замечательно работал, никогда не жаловался: ни на усталость, ни на что. Ума не приложу, что там с ним могло случиться. На эту тему мы не общались. С Мишей вот, его сыном, не так давно разговаривал. Говорит, сейчас вроде все более-менее.

— Сын Семена Фарады Миша Полицейский сейчас довольно известный актер. Ваша дочка от первого брака Аля, по-моему, тоже снималась в одной из ваших картин.

— Нет, я предлагал, но она не захотела. Не нравится ей кино. Она журналистом хочет быть. В этом году школу заканчивает, собирается идти в МГУ на журфак. Я ей говорю: "Не поступишь никогда в жизни".

— Но вы же помогаете?

— Как помочь? Это надо уметь, надо публиковаться. Не напишу же я за нее. Уже большая, 17 лет, сама должна пробовать.

— Вы с ней часто общаетесь?

— Ну так, стараюсь почаще.

— А с ее мамой?

— Порече.

— Неровен час, скоро дедушкой станете?

— Дедушкой? Хм, от этого никто не застрахован... Да нет, рано ей еще об этом думать.

— Слушается?

— А куда она денется?

Дмитрий МЕЛЬМАН.